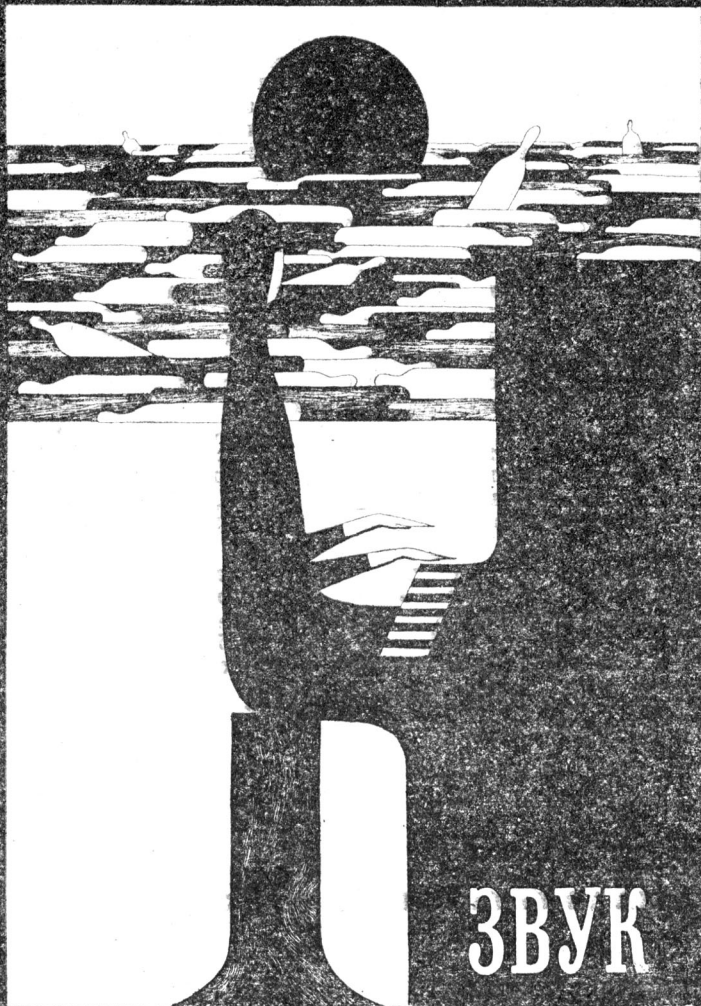


МИХАИЛ БУРЛАЦКИЙ



П

ЗВУК

1234567890ЗВУК12

ВАРИАНТ. ♦ КНИГА В ГАЗЕТЕ
«МОЛОДОЙ КОММУНИСТ» ♦ ЧЕБОКСАРЫ,
ВЫПУСК 5 [11]. ♦ 1988, МАЙ, 19.

В стихах Михаила Бурлацкого для меня открылась некая неизвестная мне область пространства, в которой, оказывается, тоже может существовать поэтическое слово. Эти тексты, мне кажется, можно рассматривать как характерный слепок современной мозаичной культуры, которой мы окружены. Само понятие «мозаичная культура» имеет вполне строгое определение, которым пользуется, например, автор моей любимой, настольной книги «Социодинамика культуры» культуролог-кибернетик Абраам Моль. «Эта культура уже не является в основном продуктом университетского образования, то есть некоторой рациональной организации; она есть итог ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений. Мы усваиваем ее через средства массовой коммуникации — печать, кино, радио, телевидение, просматривая технические журналы, беседуя с окружающими, — через всю эту захлестывающую нас массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей. Мы остаемся на поверхности явлений, получая случайные впечатления от более или менее сильно воздействующих на нас фактов...» Здесь, конечно, есть упрек и сожаление по поводу распространения такого типа культуры. И я, пожалуй, как человек «университетского образования», тоже согласился бы с А. Модем. Но реальность не спрашивает нас, ее не интересует наше мнение — ей достаточно быть.

Будучи фактом мозаичной культуры, стихи М. Бурлацкого строятся на трудно определимых, порой прихотливых, но, тем не менее, реальных ассоциациях. Нужно ли разгадывать читателю случайные (или закономерные?) сцепления образов, которыми изобилует подобного рода поэзия. Я думаю, вернее было бы довериться автору и просто следовать за ходом его мысли, его изометафорами, и тогда результат сам проявится на экране нашей памяти (некоторое время спустя). Следует также сказать, что некоторые стихи автора навеяны процессом рождения рок-музыки, как ее понимает чебоксарская группа «Горизонт» (стихотрама «Звук»). А композиции «Горизонта», как представляется на мой слух рядового слушателя, способны звучать долго — после исполнения — в душе, в отличие от советского коммерческого рока.

Если говорить откровенно, то для меня в текстах М. Бурлацкого всего слишком много. Много предметных образов, терминов, культурных реалий. Слишком изощренный стих. Наверное, говоря его же словами, «я — из породы минималистов», и «белого на белом» мне было бы достаточно. И еще я в стихах всегда хочу услышать голос, который по своей сути всегда воплощает трепетность духа, человеческого...

Впрочем, окончательное слово за читателем.

Атиер ХУЗАНГАЙ.

В книге использованы работы Ольги Брель из серий: «Деревья», «Идолы и идеалы», «Лестница».

Авторский шрифт Элли ЮРЬЕВА.

Фото Е. ЛИХОШЕРСТ («Ранурс»).



Бурлацкий Михаил Алексеевич. Родился в 1958 году в г. Москве. В 1960 г. вместе с родителями переехал в Горький. С 1976 по 1978 г.г — служба в армии. После армии работал слесарем-механосборщиком в экспериментальных мастерских НИРФИ. Потом — учеба на вечернем отделении биологического факультета Горьковского университета, работа в том же университете художником-оформителем. Знакомство в 1979 г. с горьковской рок-группой «Движение», а с 1980 — активное с ней сотрудничество. В 1983 г. переезд вместе с коллективом в г. Чебоксары. Работа художником камерно-инструментального ансамбля «Горизонт» Чебоксарского завода промышленных тракторов. Год учебы на заочном отделении историко-филологического факультета Горьковского университета. Сейчас — подготовка к записи второй большой пластинки ансамбля.

АНКЕТА АВТОРА

1. Ф. И. О., возраст, профессия, состав семьи, зарплата, род занятий.

Бурлацкий Михаил Алексеевич, 30 лет, оформитель, жена, дочь, 120 руб., оформляю.

2. Давно ли пишете стихи!

Стихи осмысленно пишу с 1983 г.

3. Где публиковались до «МК»!

До «МК» публикаций не было.

4. Что легче — писать или печататься!

«Писать» и «печататься» для меня — философские категории, формирующие современного стихотворца.

5. Хобби.

Сон.

6. Куиры.

Александр Сергеевич Пушкин.

6. Поэтическое кредо.

Сделать в стихе то, что невозможно сделать в другом виде искусства.

8. Кто Ваши друзья!

Забудешь — обидишь, но прежде всего — мои соратники — ребята из нашего коллектива.

9. Чем интересна Ваша работа!

Тем, что ее всегда можно оставить.

10. Ваше отношение к «Варианту».

Самое хорошее.

11. Почему Вы доверили оформлять книгу Ольге Брель!

Немного неточный вопрос. Я по своему усмотрению взял репродукции из ее каталога. Взял потому, что многие мои стихи непосредственно связаны с Олиными работами.

12. Что Вы хотите сказать человечеству!

На такой вопрос обычно отвечают: ищите в моих работах.

13. Как Вы оцениваете свой характер!

Как еще несформировавшийся.

З В У К

ДРАМА

Шел мокрый снег.
Шел нехотя, с ленцой.
Садился вяло на лицо,
касался медленно асфальта
и, незаметно — растворялся.
Вверху линияло постепенно,
меняя светлый тон на темный,
как-будто утверждаясь в чем-то.
Все покрывалось влажной пленкой.
Все было теплым, первозданным,
как-будто только нарождалось...
И в то же время скульптор некий
замешивал свой гипс для слепка!
Шел мокрый снег.
А может гены
снимали матрицы с мгновений?!
Он был как-будто на подходе.
Крылатый герб аэрофлота

поведал о былом комфорте.
Продолговатая коробка,
которую он нес подмышкой,
была картонной и подмокла.
Снег лип к большому капюшону,
коробка становилась темной,
сливаясь с рукавом намокшим.
Он встал внезапно отрешенно.
У ног, из-под стальной решетки,
пар поднимался бледно-желтый.
Откуда-то дохнуло жженым,
картон запах смолы сосновой!
Все разлеталось на осколки!
Вина какая-то заныла,
глаза заело как от дыма!
Рука его одервенела,
от тела словно отделилась,
и замертво вросла в коробку.
Доскою в доску, поперек ей.

* * *

Снег, вдруг сплошной — прошел.
Летучей мышью
ностел
явил
великолепье стилия!
Он подошел.

Собани — пропустили.
Студия звукозаписи в ностеле.
За пультом — Жора.
Входит Андрей. В его рунах коробка.
На ней надпись — Джи Инс — 8 Пэ
(программный синтезатор).

* * *

Жора.
— А, осиянный россиянин,
в бинтах седин не по годам.
Из града, гордого как сам!
Пришел!
А.
— Принес.
Жора.
— Начнем?
А.
— Покурим. Покурим, горе погорюем...
Жора.
— Тогда внимай — всучили барды.
Ну, типа там — байдарки, брады
и прочая байда. А? Да?
А. молча кивает
«Я художник облаков,
распадающихся все».

Я под осенью рисую
нити дальних берегов.
Очертания барокко
и готические грани
мне открылись ненароком
на сентябрьском экране.
И, протягивая сквозь воздух влажный,
не останется за кадром
долгий след от экипажа
предводителя закатов.
И зажглось окно Лауры
там, где быть звезде внезапной.
Все темнее фон лазурный.
Это не пейзаж с природы —
ветер точит камни замков...
Я — художник облаков,
распадающихся все.
Я под осенью рисую

нити дальних берегов». ...дым... дым... дым... дым...
Звонарь устал звонить.
Звук плыл... плыл...
Отец выбивал ковер.
...пыль... пыль... пыль...
По лбу проведешь рукой —
звук отстает шершаво...
«Туполев»-паучок нитку прядет,
Липкой полоской пот...

Жора.

— Ключ на дренаж, протяжка «Раз»!

Начнем?

...«Туполев»... Нет — «Мессеры»...

Тень тех костров — кустел
звуками истекал.

Месса средь месива...

Идолище, истукан...

А.

— Начнем!

Джи.

— Начнем?

Без третьего нельзя.

Как изменился цвет лица!

Как в пору отрочества книжного;
когда неотвратимой похотью
(без белой вспышки

и без грохота)

кривилась линия лазурная

и дыбилась и небо жухло.

И было жутко! Жутко...

...Мы создаем предметный мир.

Мы в нем теряем что-то, ищем —

вещами заполняя ниши,
как в пору гордых пирамид.
А недоступный мир созвучий
висит над нами, золотист,
и часть его — стандартный лист,
пока он мыслью не измучен.
И я создал предметный мир. —
Оклад для образа святого.
Чтобы в него влилось Слово,
чтоб пал я ниц.

И так я сделал лист стеклом.

Он отражает потолок.

И я пробовал писать — не смог.

Скользит стило...

Джи.

— Я не уйду, хоть оклеветан —
я стал предметом!

Ведь это я нашел симптом —
«услозность тонн, простертых сверху»!

Ведь это я пришел и сверг их —
твой страх, грозящий немотой!

Вот так всегда — приходит врач,

уводит боль, уносит страх.

Единственный, кто знает как!

Но этаким как ты, халат

напоминает ад.

Жора:

— Сегодня нам не растрезонить

мои две дюжины дорожек.

Мой автобан, мой ипподром...

А.

— Мотор?

Жора:

— Мотор!

* * *

атолл Бикини печатью викинга
штампует нравы и страны дальние
и то не девы летят Валькирии,
а смерч, как борода Курчатова:
тесемкой тонкой подпоясана
вальсирует до томной плоскости
стараясь вскрыть коросту черную

А.

— Я что-то чувствую в себе,
но, заповедное начало
проходит мимо, величаво
в своей красе.

Джи.

— О, это старая печать —
в себе услышать рокот бездны,
осознавая бесполезность —
не описать...

Войди в меня, переступи порог!
Мир над тобой сжимается шагренью.

Прозрение есть чувство мщенья!

Вплывай пальцы в клавиши —

таков твой рок!

Войди в меня, переступи порог!

А.

— Чтоб торговать с лотка сусальным
божком языческим по кличке Саунд?!

Джи.

— Вплывай пальцы в клавиши —
таков твой рок!

Коснись моих программ, услышишь
свой крик до своего рождения!
Стои матери, тебя зачавшей!

А.

— Заткнись, сейчас же!
Заткнись сейчас же... Чтоб убудок
узнал все, кнопки перепутав?!

Джи.

— Я выделю в «убудке—люд»,

И этим тайны не открою.

Я — их. От плоти и от крови.

Отказываться не пристало.

Взгляни сквозь корпус — как кристаллен
порядок в плагах, микросхемах —

как город сверху.
Заставь меня встать в 6.30
и возвращаться в 18,
и будем вместе веселиться
до чертовых галлюцинаций!
Мы точно сядем всем на шею! —
У каждого на шее плезер!
Ребенка кормит мать не слыша!

Жора.

— Облади-облада!

А.

— На что — слуга —

Жора.

— Подменяем образа!

А.

— На—какие—бока?

Ребеночку не нужно пищи!
Вокруг головок вьется плезер —
чем не мадонна Рафаэля!
Всего-то только: рядом с мочкой
два телефончика-комочка.
Без боли, шума и без пыли.
А ты — Бикини...
Ха-ха!...

Жора.

— На—пятье—десятые
нам автора сюда!

А.

— Дружище, головы как нет!

Жора.

— Глотни озона во дворе.

Д В О Р

А.

— По-грозовом пахнут волосы,
лежат порядками магнитными,
соединив нас как два полюса.
Нас еле видно.
Фосфоризируя, сближаемся.
Ты — заземленное распятие!
Меня прибьют к тебе из жалости,
чтоб искру божью не растратил.
Меня привьют тебе как ослу.
Ты станешь ультра-инфразрячей.
Наверное, я — экстрасенс, по ГОСТу...
Что это значит?!
...милый, милый хороший!
Лейся, через порожек,
через горные кручи,
через волосы — в уши.
Сквозь завалы, сквозь камни,

сквозь плетеное—тканое.
Пробеги огнем,
прошурши золой —
мой, мой!
Милый, милый, заветный!
Отзовись дальним эхом!
Прогреми тучей грозною,
растекись цветом розовым,
прикоснись листом,
ороси лицо.
Все! Все!
Через горные кручи...
Через волосы в уши...
Шепот справа и слева,
словно клеют капельный...
Я — не я... А! О, Саунд!...
Осанна!...

Джи.

— Она носила его, как стilet.
И ноготочки абрикосовые
нежно пощелкивали по корпусу
тихим подобием кастаньет.
Воздух сгушался, его не хватало.
Звуки свершали некое таинство.
Не было судорожных подобий —
грязь исчезала под «Долби»!
Все исчезало — душное, пошное...
Кнопка утапливалась как поршень,
и посвялялось нечто такое,
что не откроешь...
...через горные кручи...
через волосы в уши...
шепот справа и слева...
словно клеют капельный...

Войди в меня, переступи порог!
Мир над тобой сжимается шагренью,
Прозрение есть чувство мщенья!
Вплавь пальцы в клавиши —
таков твой пок!

Андрей, (поднимаясь по лестнице).

— Первый шаг, мое детство.

Как был он уверен!

Как большие деревья спокойно

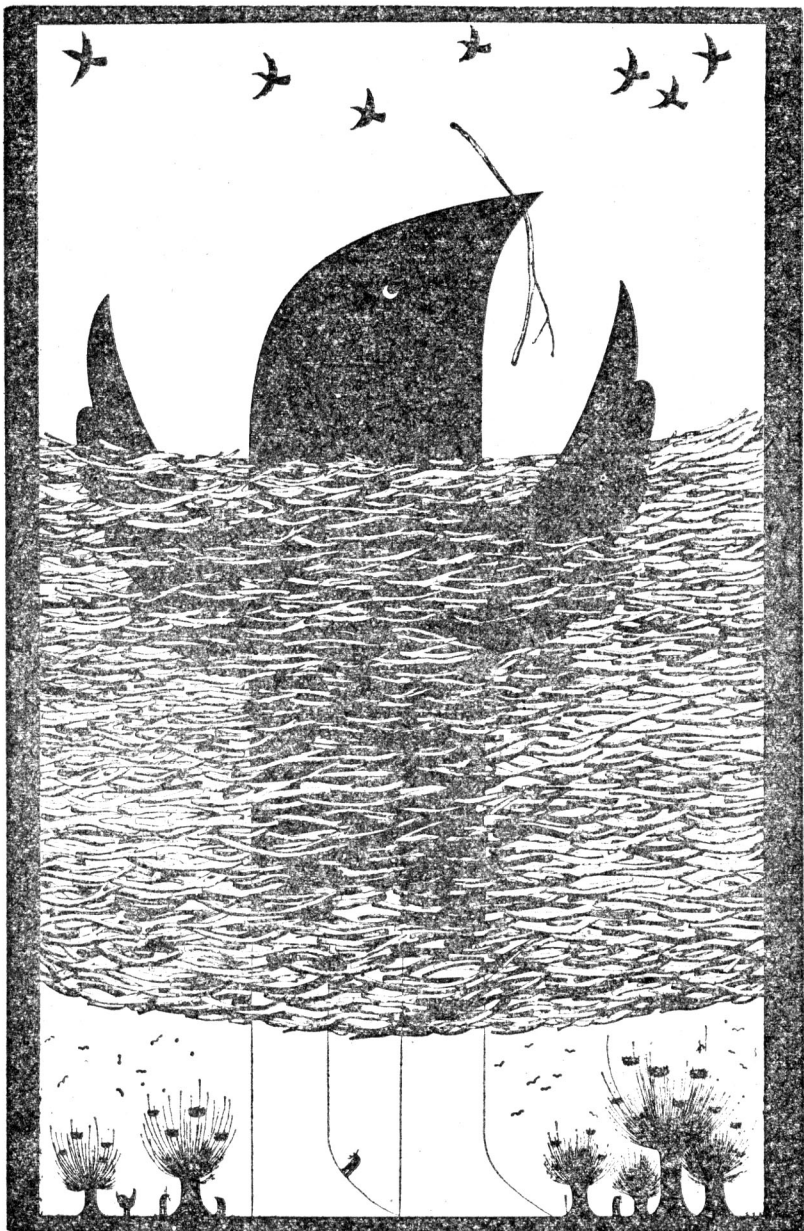
дышали...

Как я шел им навстречу
под маминым жестом,
ниспадающим сверху раскидистой
шалью.

В небе первые спутники тихо

скользили,

у лодъезда фонарь перемешивал тени



и глаза подчиняясь неведомой силе,
 неподвижно на черное небо глядели...
 Все звучало — деревья, дома — все
 звучало!
 Ненавязчиво, бережно, зыбко,
 случайно...
 Шины влажно касались асфальта
 щеками
 и шуршали прибоем, шлифуяющим
 камни...
 Кожуры завиток и ажурный скелет
 абажура,
 черепицы осколок, безглазые
 противогазы,
 ног босых отпечатки меж листьев,
 немного пожухлых —
 это тоже звучало все
 в воздуха

* * *

Тают набаты дальние...
 Вторить бы им, да чище!
 Ждете исповедально. —
 Горло, как-будто сдавливают
 всплохи грез мальчишечьих...
 Кружится птица черная
 с криком гортанным.
 Видится все отчетливей —
 скоро разгадка тайны!
 Это за перфокартами
 хриплый пророк прокаркал —

горьком и влажном,
 Я, такой же типичный, как будто
 гремел черепицей!
 Время шло чередом, я горел
 над столом преферансным,
 Мне на череп садились большие
 и гордые птицы
 и взлетали опять и крылами махали
 прекрасно...
 Я гудел под ногами а прихожей
 приветливо-пыльной,
 но под ливнем раскрялся! чтоб встать
 хоть на миг рядом с Нею.
 А когда Она ноги ладонями
 медленно мыла,
 я смотрел на Нее, ни о чем больше
 думать не смея...

Быть тебе меченым атомом!
 Или, скорее, кварком.
 Будешь в чужом офорте,
 в косточке мандариновой,
 Будешь во всем, что, вроде,
 память «за так» дарила зам...

Джи.

— Ночью в распад. Живи с утра!
 Ищущий да обрящет!
 Души, как счетчик Гейгера,
 выведут в настоящее.

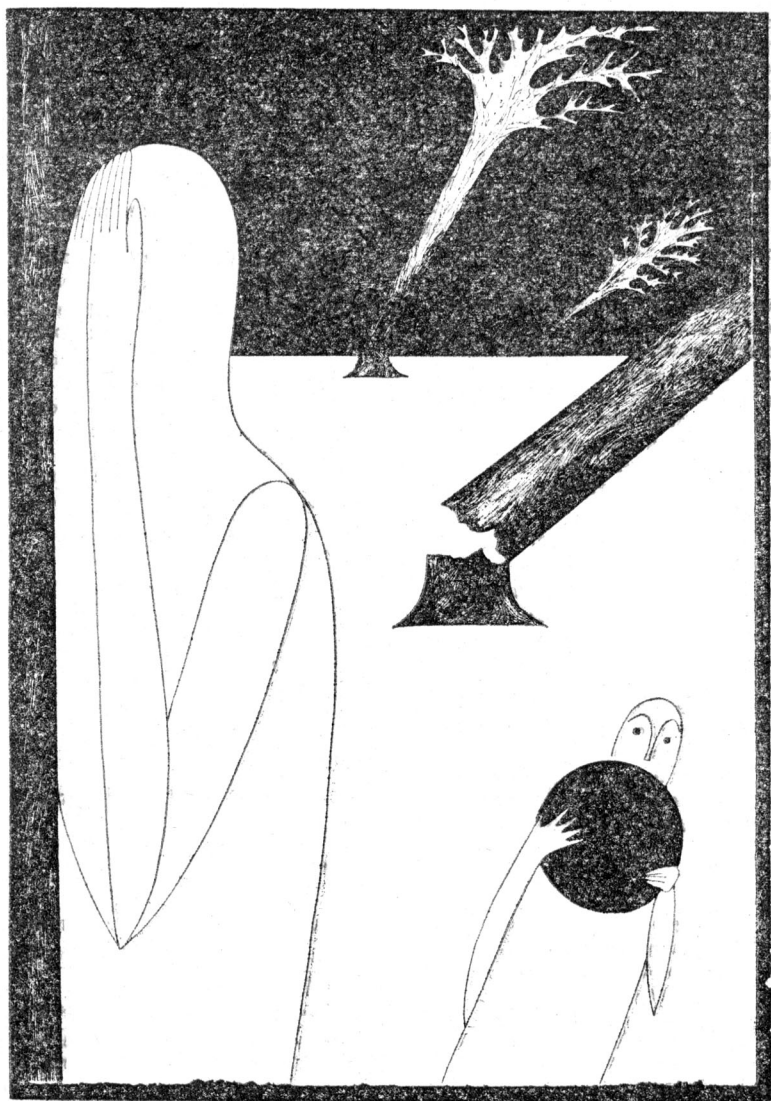
ПРОСТРАНСТВО ПОСЕЙДОНА

№ 1
 Сегодня — тяжесть.
 Выбрался из-под строчки,
 одежду оставив под ней.
 Линии царпин стремятся к пределу..
 В тысячу раз стыдливее и подлей
 убегать одеждой, оставив тело.
 Бежал в трико, из царпин сотканом,
 царпинами прикрывался, как мочалом.
 Последнее — помню—рука микрометр
 мерила пульс. Он — молчал...
 «Пониженное мироощущение» —
 мантия удалялась, как скат-альбинос.
 Поставив диагноз-заклЮчение,
 она не ответила на вопрос.
 Остался рецепт — десертиский флаг.
 Надпись короткая, как каприз —
 «Только насильно, натошак,
 2 р. в жизнь».
 2
 Я начинаю свой день сначала,
 не обходил, когда черной кошкой,
 мою траекторию перебегала

тень Маяковского.
 В локтях и коленках зыбко и мерзко,
 Границы давлений слились в линию.
 Спаси, Геометрия Лобачевского!
 До бесконечности раздвинь ее.
 Трезубец ядерного распада
 схватил, как мангуст свою жертву
 за горло,
 прорвусь в измерение Посейдона!
 Здесь от науки — только термины —
 все, что пришло от обучения.
 Так с головы срывая тернии,
 в ней оставляешь ощущения.
 Двери открытые тоже дребни.
 Если их много — в какую сунуться?
 Так и стоишь в косяке посредником,
 вечно входящим куда-то с улицы...

3

Бритвой случайно можно рассечься.
 Почти невозможно, закрыв глаза,
 выбрать клочки повседневной шерсти,
 выскоблить запущенные места.



Если же высидев в собственных клетках,
 выбежать, как побег каторжан,
 не уберется во всех заветах
 разом открывшаяся красота.
 Туча — дырявая серая терка,
 мытое яблоко трет на десерт.
 Вроде пустяк. Остается только
 перевернуть пробившийся свет.
 Когда кристальное гранями колетса,
 не отпуская, если больно,
 вы, понимая свое ничтожество,
 лезете все же в посейдоново!
 В черные дыры, к завмагам вселенной,
 не проберешься жучком под корою.
 Не помогает семь раз отмеренное.
 Сотню настроенное — не строит!

4

Время стекает без промежутков
 мимо судеб человеческих, поэтому
 кажется безоговорочно жуткой
 капля, летящая в темя поэта.
 Моя голова, как заклинивший ротор.
 Ей повернуться бы к капле ртом,
 но волосы на череп, как тина наматаны.
 Под каплей стоишь, как под топором.
 Для многих эта экзекуция — зависть.
 Я, еле ротор лелея,
 наматываю на шею модный галстук.
 Пирсовым кнехтом стонет шея.
 Кожей чувствую чьей-то ласки оскал.
 Глупо — казнен, хоть сам обворован...
 Как вдруг миллионом битых зеркал
 ворвалось пространство Посейдона!
 Я, сам не понимая как,
 дробью разлился в мильон отражений,
 а посреде этого мечется капля,
 ищущая положенное над шейей.
 Долей мгновения длилось злоещее.
 Все успокоилось, только слегка
 в зеркале дырка черными трещинами

Звезда проклевывала ход,
 Стонала, выла, задыхалась.
 Ей даже как-то показались
 моря, оправленные в лед.
 Она хрипела в вязкой мгле,
 в крови и слизи сфер разбитых.
 Ей было до смерти обидно
 за мир вовне.

Я — автотроф. Зерно, росток,
 беспомощная запятая.
 Я — крошечный фрагмент спирали,
 вобравший солнечный пучок.
 Я — автотроф. Зерно, Росток.

напоминает какого-то паука...

5

Если в бешеном спорте все перепутав,
 под удар подведете раскрывшегося
 в прыжке,
 то меня — пучеглазую подсадную утку,
 без сомнения бросите под дуплет.
 Рвите смысл не боясь, рвите крик
 не дослушав,
 исцелите мишень, коли так суждено.
 Не пугайтесь, в кустах не увидите
 тушку —

Посейдон!

Рвисью пря по росе, подминая
 настоенное,
 водяными значками осыпав сапог,
 рвите ряд, рвите цепь, когда на загоне
 приближающимся подфарником
 вспыхнет флажок!

Делясь непонятым с непонятыми,
 непонимание утраивая,
 растрчивая зарифмозанное,
 неситесь в адово сквозь раево.
 И на границе пониманья,
 считая, что оно — бездонно,
 карабкайтесь и вновь срывайтесь

п

р

о

в

а

л

и

в

а

я

с

ь

В ПОСЕЙДОНОВО!

1984.

• • •

Фантазия — как фотосинтез!
 Зеленым клеткам что-то снится
 и свет — их бог!
 Я — автотроф: зерно, росток,
 травы — цветка — куста — березы!
 Я дал дышать, любить, по звездам
 искать восток.
 Я — автотроф. Зерно, Росток.
 Я рвал асфальт, вплавлялся в лаву.
 О, как волна меня качала!
 Я жил как мог...
 Я — автотроф. Зерно... Росток...
 Я чувствую — иду на убыль.

Меня касались чьи-то губы,
я был им нужен как глоток...
И — темнота. Клинки комет
мерцают тускло и приятно.
И в Землю, в мареве помех,
уткнулись звезды амфитеатром.

Я — искрошился — вышел весь.
Все кончено.. Нет! — на дисплее
богиня Афродита в пене
идет сквозь солнечную взвесь!

...

Нехотя плохо, за шторами птица
мерзко скрежещет о жёсть когтями...
Кажется шесть. Как тянет!...
И птица в оконной раме
маячит картонным глазом,
и город дрожит в тумане,
как простынями связан...
Где-то прогал с рекою
между домами...
Мутно. Опять с дихвозю
хвори-тумана...

И перспектива устала,
как наш язык,
скрывший от слуха — «тальник»,
а с глаз — тальник.
Но по завету, вон там — на дне,
звякнет монета — и — свет над ней!
Станешь мудрей в сто крат:
Соколом. Щукой, Волком!...
Тонок, ох, тонок стакан
с доньшком—Волгой.

...

П Е Ч А Т Ь

Она подвела меня к обрыву,
жестом сказала — там — смерть.
Естественное желание прыгнуть.
И ровно такое же — не сметь.
И вот я снова стою на мосту,
дрожу, как стрелка непомерных весов.
Надо мною щелкает бичом пастух.
Подо мною неслышно плывет весло.
И стоит только руку поднять,
как мир ускользнет

из-под слабых ног,
и твердый знак, как забытый «ять»,
прибавит тяжести слову «рок».
И я стою на своем песту.
В полях — кузнечики и провода.
И снова щелкает бичом пастух,
и снова весло несет вода.
И вот на цыпочках уходит день,
и вот на весле светляк свечи,

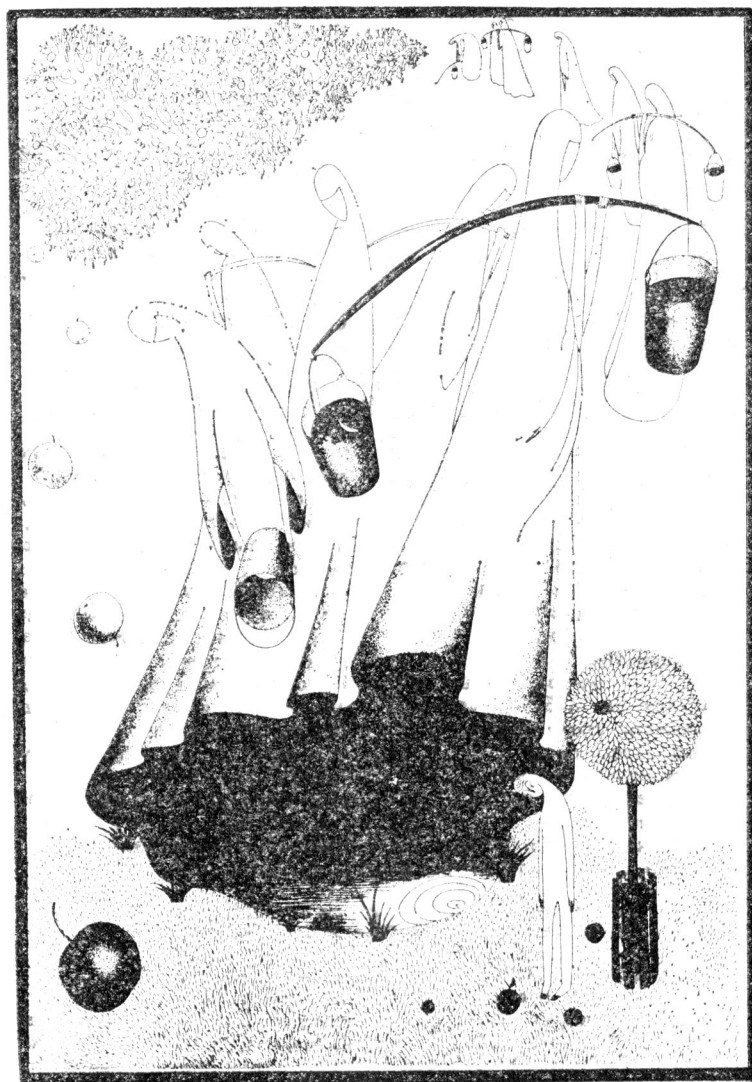
и еле слышно как воск в воде
взлывает, посыпывает врчит,
И ловит комочки воска сом,
и тихих коней пришел табун,
и кони выстраиваются за словом,
не помня, не ведая, наобум.
И в этой обморочной глубине
мерцают изумрудные нити ив.
Мир замирает на миг, и мне
даёт рассмотреть себя красив...
И воск и киноварь — восход и закат
вместили день как вмещали дух
святые доски века назад.
И черные доски — полет двух рук.
Так из чего же она печать
губ моих, спекшихся без слов?!
По небу тянется след бича.
Руки тянутся за веслом.

...

КОСПАС-САРСАТ

Ты спас меня, КОСПАС-САРСАТ,
атласный свод прошия иглой.
Тебя не мог предвидеть Дант.
Веди сквозь ад Вергилий мой!
Прогресс стихий — процент судьбы!
Проливы помнят имена
моливших жизнь у звезды,
Небесный буй веди меня!
Веди сквозь марево помех
к сгорающему кораблю.
Веди к тому, чей свет померк
в ознобе льдов и жаре дню!

Кому-то матовый рассвет,
как будто атомный закат.
Кому-то быт — какой-то бред!
Сначала к ним, КОСПАС-САРСАТ!
Ведь ручка газовой плиты
не даст настройки на волну,
где вертолет КОСПАС летит
где сотни рук сплелись в одну...
И спутник гранями ачтенн
царапал твердь, за кругом круг.
За горизонт, где правит тень,
он чел того, в ком правит дух.



Я из породы максималистов.
Черный и белый цвета мои.
По бумаге рисовой,
по дорожке мгlistой —
по черной ленте пишущей
спешат шаги.
Помнишь, как скорбели мы,
как робели?
Третий вроде лишний был,
третий цвет..
Но на буквы черные
и на лист на белый
свою горечь гордую
лил рассвет.
И кружить стал компас мой
черно-красный.
Спутал путь магнитный,
а в синих льдах
и в зеленом сумраке
непролазном
стал искать исподнее —
в чем летал.
Но скупа природа
на цвета благие.
Раз пустыня желтая
предстала мне
в белоснежном саване

на плечи накинута.
Да и растаял саван,
словно снег..
Желтый. Фиолетовый.
Искус! Искус!
Где твой домик-йорик,
змейка у ног?!
На стекле небесном
кто-то чиркнул риску,
а хлебнуть по мерку ту
я не смог..
Но открылись строки мне
вроде «тело белое»!
И померк весь мир цветной
и канул ниц!
Храмы пухом медленным
поднимались в небо,
и сливались перья
в крылья лебедей..
Я — из породы минималистов.
Белое на белом! —
След зари!
Но не минуть черного —
огнь блуждает в лицах.
И шуршат страницы
в лепестках золы.

Мы повязаны кровью.
Сжался, призрачный Некто!
Не смотри исподлобья
на меня — человека.
Сжался, море недужное,
что ночами качало
бескозырку с «Очакова»
и в мазуте медузу.
Сжалтесь, голода дети.
Сжалтесь, сытости чадушки!
Мы повязаны третьим.

«Третьим миром» жутчайшим.
Ведь мы помним подкоркой
детства всполохи малые!
Воздух влажный и горький,
паруса над лиманами..
Встанем, глядя под ноги.
Тени на плечи лягут.
Мы повязаны многим.
Мы попробуем лямку.

С Т Е Р Е О

Да, стерео придумал еретик,
И, оторвав себя от бога,
весь сжался — как бы поприх
перед неведомой дорогой.
Все... Выбирая из двух зол,
пред посохом о двух концах,
он ощутит и шум и звон

в своих бунтующих ушах.
Все.. Фон рокочущих валов
и тайный, томный стон сирен
накроют помыслы гребцов
визуалью стереосистем.
«А с кем же счастье, петушок?»
И в продолжение забав

угрюмый врач беду предрек,
как хрящик стетоскоп сломав,
Но вверх и вверх идет поток,
ветается на два рукава
и вот ты слушаешь исток,
как лекарь слушает тебя.
Ты слышишь выдохи излук,
разлад притока и реки
и то, как судорога рук
вычерпывает родники.
Как все трепещет, вззвонит!
Но ты опять и здесь и там. —
Ты чувствуешь — ушла в зенит
душа, разорванная пополам.
И вот — открывшийся объем
огромных пойменных лугов,
следоз копыт иных времен —
затопленных материков.

АФРОДИТА

Ветер тянет облака
потихоньку, но настырно
солнце светит в полнакала,
яхты неапопад застыли.
Птиц тяжелых полувзмахи,
приторная томность жестов,
оглушенные собаки
от людей отдельно шествуют,
Вяло квакает буксир,
тает в вазочке пломбир
полупьяна и капризна,
жметя к пароходу пристань,
одинокий бакен как
красный шутовской колпак...
Тут льяные кудри как-то
попадают в угол кадра
сталь, местами запотевшая,
вдоуг напоминает тело!
Строично: два знакомых кома

Все оэльефнее кисти рябины
на светлеющих день ото дня

И В А Н - К У П А Л А

1
Солозьи и ивы,
розовый песок.
Робко, торопливо
сброшен поясок.
Стопы ступят в воду,
рязь свершит обряд —
слязно кольца—годы

И бьется под копытом луч —
— уже закат! — зовет с собой
седой Кентавр, сошедший с круч,
хранитель острова Сапфо.
И жадно, как ослушник-брат,
забывший сестринский наказ,
ты пьешь густеющий закат —
— и — терпок мир как в первый раз!
Ты видишь, видишь Океан! —
Разливы рек, разлеты рук!
И это — стереообман...
Расчетливый, холодный звук...
Сблизай неведомый баланс
могучих и крамольных сил!
Правь музыку. Калиф на час!
И рзись на части, слыша глас
двух женщин, рек, дорог, могил.

старятся не по закону—
холод и объемы в вазе
убывают, раз за разом...
Зрелость, резвость, дерзость,
детство,
бугорок в начале действия —
— вот — ты и не родилась!...
Только пенный след на стали...
«Все Покушали — и — встали!»
Воробей стервятник старый,
ест остатки накренья.
Все немного беспокоит
хоть знакомое такое:
блики липнувшие к окнам,
и на желто-сером — охра.
Все летит сквозь пух июньский,
все оазрознено и вместе,
как в ночи, легко и грустно,
все летит сквозь пух созвездий.

листьях, слитых в поорыве едином —
облететь под конец октября.

нас соединят...

2

Я плоть твою гублю и душу мучаю,
за что же, как юридивому — мне,
протягиваешь ты звезду падающую —
алмазный след на матовом стекле!

МОСТ ПО КРУГУ

Надо что-то решать, надо что-то решать...

Снова рифмы эмальной окрошкой трещат!

Мост. Гребенка огней назисает с моста.

Отмель навзничь под ней, волоса распростав.

И венки, чуть видны, обтекают оплечь.

Не венки — корабли с именами предтеч.

Как тебя мне почувствовать (надо решать),

как передать

что-то?

Где усилие, насилие — нажим ремешка,

крик сводящий на шепот?

Где щепотка, подачка, дань, милость, кристалл — шорох гальки?

Где доска от креста, где девятый вал, где

колена

божественного

овал,

опушенный

и гладкий?...

Как тебя мне почувствовать (что-то), как передать,

где усилие того лемешка, дерн, летящий под солнце, сон

и щеки твои — нет — мои, сталь (останься небритым)

и

губы

об-

вет-

рен-

ны-

и

ЧУДО

сбоя

и ритма?!.....

Надо, надо, надо, надо что-то, что-то решать...

Шатко, муторно, зыбко...

Мост. Быки. 5 быков — 6 пролетов.

6 быков — 7 пролетов.

Так танцуют сиртаки —

странно, статно, статично...

Мост. Быки, словно серны, чертят схему полета,

Мост по кругу.

Я

как будто почувствовал

что-то,

но как передать?

Как отдать эту дань,

как сплести эти косы

из света?

Как взглянуть на тебя,

когда их протяну я,

откуда-то

сверху?

Чтоб увидеть тебя

и себя и ревущую

скифскую рать.



ИЦТМ. Библиотечка «Молодого коммуниста».
Вып. 5 [11]. МАИ. 19. 1988.
Тираж 60.000 экземпляров.